

Дмитрий Бак

Город говорит на собственном языке

Когда встречаешься с городом через тридцать пять лет после школьного еще приезда – можно ожидать всякого, вплоть до полного неузнавания или разочарования в былых наивных чувствах. Так происходит почти всегда – вот поэт Арсений Тарковский в 1955-м через те же три десятка лет возвращается на несколько дней в свой родной Елисаветград, уже переименованный в честь злодейски убитого врагами Кирова, и... пишет горькие строки:

Смысла в этой встрече
На поверку нет.

Одессе все эти тягостные непризнания не страшны, они ей не к лицу – город живет помимо любой отдельно взятой эмоции, он находит себя в любой эпохе, не меняясь в сердцевине своей, а словно бы подыгрывая любому тысячелетию, которое наступает на нашем дворе, своенравно мыслит себя главным и неизбежным. «Мы еще посмотрим, как там у вас все это получится!» – шепчет город по вечерам любому самоуверенному гостю, вот только что еще самоуверенно думавшему просто и меланхолически отстраненно пройти по заранее известному маршруту: Привоз, Дерибасовская, Лестница, далее везде... Тут же немедленно обычно происходит нечто незапланированное, берущее за сердце: город преподносит сюрприз, словно бы невольно воскрешает в памяти какую-то важную деталь события, происходившего вовсе не здесь, но именно здесь ожившего. Или преподносит дар в виде ненароком подслушанного разговора, ко-

торый дает ответ на загадку, мучившую незадачливого фланера вот уже несколько недель или месяцев, только он сам мог об этом мучении и не догадываться.

Кстати, об одесских разговорах: у них нет какого-то определенного стиливого и даже языкового облика, здесь все понимают всех, и эта сверхпроводимость общения создает дополнительную радость узнавания... Чтобы сразу понять, где что произведено, мы договорились фразу «Сделано в...» писать сразу на нейтральном языке, облекать в слова, всем вроде бы понятные и стертые от многократного употребления. *Мэйд-ин?* А в каких выражениях пришлось бы произнести формулу «Сделано в Одессе»?

Этот город говорит на собственном языке, вбирающем в себя все существующие наречия, в этом зеркале все искажается и преобразуется одновременно. Мне накрепко запомнилась сцена, когда-то услышанная в детстве: бывалого вида старик зазывал на трапезу со двора домой озорника-внука, вовсе не настроенного покидать солнце, запахи моря, игры, товарищей. Истошив все доводы, дед изрек фразу, которую я до сих пор не знаю как записать, в какой такой графике... То ли: *Иды сюды та трошечки абисэслэ эссен!* А может, так: *Иди сюди та трошечки абиселе эссен!* Главная заковыка – ясно откуда: истошив все разумные доводы, дед повторяет главный свой тезис (что-то вроде: ну хоть **чуть-чуть** покушай, изверг!) сразу на двух языках, поэтому повторяющиеся по значению друг друга *абисэслэ* и *трошечки* стоят рядом, даже не разделенные запятой. В быту, кстати, дед изъяснялся почти по-русски, а внука ему увещевать пришлось на смеси украинского и идиша.

Отчаянный и последний аргумент сработал – подросток побрел к дому, надеясь, что кормежка лишь ненадолго оторвет его от важных дворовых дел. А я через много лет побрел к столу, чтобы облечь эту неповторимую устную одесскую риторику в письменные словеса. Литература оказалась слабее реальности, ушла динамика, многое пришлось примысливать, а главное – одного текста оказалось мало, пришлось сначала думать, как текст, сказанный на одесском креольском идише, мог бы выглядеть при взгляде изнутри русской графики, а потом – украинской.

Ежели по-русски, дело обстояло бы так:

Галицийская колыбельная

Гей, сюды! та абысэлэ, трошки
эссе! – кляйнер унд шейнер, майн'либ;
зъйиж усэ до останньої крошки,
щобы гой не добрався до них...

Гейе шлофен, майн зонн: до шабаду
вже ж лышылось всего ничего;
помолыся, майн либер, та спаты
лиге, битте; зай руйх, дорогой!

Морген встанэш, як зонце вэсною
вид нэдовгого сну устайе;
швайг, майн' кляйнер, мовчи – я з тобою!
их мит дир, майн глик, – счастья мое...

А вот украинизированная версия тех же событий:

Галичанська колискова

Гей, сюди! та абіселе, трошки
ессе! – кляйнер унд шейнер, майн'ліб;
з'їж усе до останньої крошки,
щоби гой не дібрався до них...

Гейе шлофен, майн зонн: до шабаду
вже ж лишилось всего ничего;
помолися, майн либер, та спати
ліге, бітте; зай руйх, дорогой!

Морген встанеш, як зонце весною
від недовгого сну устає;

швайг, майн' кляйнер, мовчи – я з тобою!
іх міт дір, майн глік, – щастя моє...

Языковые одесские кружева в двадцатом столетии сделали свое дело: здесь слышен не только разноязыкий говор набережных и рынков, но и шелест страниц, на которых – жизнь и судьба отечественной словесности. Многие писатели, родившиеся и выросшие в Одессе, обрели литературные лавры уже вне вечного приморского города. Тем более явственно слышно по всем мировым градам и весям долгое эхо их голосов. Одессит Семен Липкин и бакинка Инна Лиснянская долгие и счастливые годы прожили в Москве и под Москвой. Уже несколько лет с нами нет Семена Израилевича. И часто, часто в час назначенный беру я в руки новые стихи Инны Львовны и явственно слышу скорбные и светлые ноты, созвучные интонациям одного из великих одесситов, для нее – самого дорогого. Вступить в неторопливую беседу двух любящих людей через порог небытия – дело нелегкое и рискованное. И все же попробуем, пусть одесская солнечная даль будет спасительным подспорьем...

Для И. Л.

У тебя все Бог да был,
вот опять же был да Бог;
хорошо в загоне быть,
если есть в почете прок;

а еще седой, родной
ангел; найденный в саду
неживым ночной порой;
как судилось на роду,

а еще бездомный хлеб,
дым бакинского огня,
застилающий ковчег,
где по паре твари дня

незакатного – за той
непереходимой для
тех, кто жив, простой чертой,
за которой и земля

тяжела, и легок сон,
и простителен ночлег
на ступенях храма, в дом
превращающего снег;

не ко времени войди
в волны светлого сия-
нья, что ты несешь в груди
на пороге бытия

нераскаянных потерь,
встреч нечаянных простор;
вот и я с тобой теперь
еле слышный разговор

заведу и слышу шум,
звон и стон, хотя туда
и оттуда не спешу
до тех пор, пока беда

не придет из-под колес,
повернувшихся не в срок:
ты услышишь, ты поймешь –
между нами быт да Бог...

Москва

